

Танюшка старалась не забегать вперёд отца, а шла след в след, делая крупные шаги как он. Весло, которое она несла на плече, мешало держать равновесие, и со стороны она, наверное, была похожа на неуклюжего журавля, но это её вообще не беспокоило. Надо держаться подальше от высокой травы, там змеи, и не увязнуть в сыром берегу Рогалихи, а то опять растеряет сапоги, а отец вытащит её со словами: «Экая ты, Таня, неловкая!»

Сегодня они отправлялись проверить сетку, но, самое главное, отец обещал показать лебедей. Танюшка забралась в лодку, вставила весло в ключину (не маленькая уже) и уселась на корме, стараясь не раскачивать её. Отец легко столкнул пошарпанную плоскодонку в воду, в один шаг залез в неё и, расположившись спиной к носу, оттолкнул веслом от берега.

Не такая уж Танюшка была и помощница в рыбалке, но отец знал, как ей охота птиц увидеть и полюбоваться озером, а если и вывалится за борт, так он её махом вытянет.

Отец грёб очень мягко, почти неслышно, без рывков и тоже любовался Рогалихой, затопившей сейчас оба мыса, о которых говорили, что на них мавки водятся и в полнолуние волосы свои на берегу гребнями чешут. Танюшка опустила пальцы в воду и погладила облака, которые в ней отражались.

– Па, а почему её Рогалихой зовут? У неё же нет рогов.

– А может, и есть. Кто его знает.

– Откуда вообще речки берутся?

– Лёд тает. Из источников питаются. Много причин.

Они неспешно доплыли до озера, и отец начал подгрести левым веслом, чтобы двигаться ближе к берегу, не выходя в центр. В зарослях тальника стояла небольшая сеть, и проверить надо было каж-

дый день, чтобы рыба не протухла. Танюшка знала, что тычка с поплавком из пустой бутылки держала начало сетки, и теперь отец будет поднимать её за верхнюю плавающую верёвку и выпутывать рыбу, если попалась. А она, Танюшка, будет подгрести одним веслом, чтобы лодку не относило от сети дальше вытянутой руки. Дело нехитрое, но очень ответственное, и Танюшка терпеливо молчала, пока отец приноравливался.

– К вечеру гроза будет.

– С чего ты взял? Солнце же.

– Вон там туча тёмная, дождевая, да и рябь от ветра. Утки вон тоже притихли, не плещутся. Ну-ка, подгрести, не ленись.

– Да я подгребаю.

– Не туда подгребаешь. Эй, старайся.

Отец выпутывал рыбу и выпускал её на дно лодки. Уже пять хвостов трепыхали по воздуху, а большой серебристый карась, проделав несколько акробатических трюков, загайлся в тени под лавкой у самой Танюшкиной ноги.

– Подгрести. Смотри, отнесло.

Она старательно подгрестила то так, то эдак. Лодку таскало, да всё не туда. Отец взял весло, выровнял лодку как надо и принялся вытягивать да встряхивать сеть от попавшей травы, бережно снова опуская её в тёмную воду. И сам же подтягивал лодку. Да, скорее всего, ему так было даже сподручней, но Танюшку он всё равно звал. Всё одно, вдвоём веселее.

Закончив с сетью, отец совсем без плеска погрёб берегом дальше, приложив палец к губам и выпучивая заговорщически глаза. Выглядывая над залитым ивняком, он, наконец, сделал знак рукой. Повернул ладонь кверху и поколыхал пальцами вверх-вниз. Танюшка ждала этот знак и с готовностью, расставив ноги для устойчивости, стала медленно подниматься, вытягивая шею. Но лодка заиграла, и ей пришлось снова сесть.

– Экая ты, Таня, неловкая, давай сюда, – отец покказал рукой на нос лодки, а сам начал пробираться на корму. Как дело было сделано, он стал отталкиваться веслом от дна и вёл лодку с осевшей кормой всё дальше берегом. Танюшка почти легла на нос, и казалось, что она парит над водой, вглядываясь вдаль. Впереди мелькнуло белое. И ещё. Лебеди!

Птицы вертели головами на длинных изогнутых шеях, чистили пёрышки, опускали клювы в воду, совсем как Танюшка опускала пальцы, чтобы поиграть с отражением облаков. Зрелище было такое радостное и завораживающее, что хотелось не дышать, чтобы не спугнуть. Она слыхивала истории о лебединой верности.

– И то подумать, как же можно такую красоту разлюбить? Никак не можно, – размышляла Танюшка.

Прошлой весной рано утром пара лебедей пролетела рядом с домом так низко, прямо вдоль кухонного окна, чуть не задевая сухие ветки малины, пока отец с Танюшкой пили чай. Шеи прямо вперёд, клювы как морковки яркие, лапки назад прижаты, а сами – словно две белоснежные яхты. Без шума, без крика, без хлопанья крыльев. Танюшка с отцом едва успели проводить их взглядом, и потом весь день только о том и говорили, какая это, лебедь, красивая птица. А сейчас на озере пара лебедей отплыла за мыс, и вот бы к ним ближе подобраться, но отец потянул назад, в обратную сторону, говоря:

– Малыши у них. Не надо беспокоить. Давай-ка, меняемся местами.

Танюшка, ступая между рыбинами, заняла прежнее место, и они поплыли назад. Прекрасные птицы ещё долго занимали её мысли, и она разглядывала отражения высокой травы и плакучего ивняка в тёмной воде Рогалихи.

– А зачем Парфентич в речку монету бросает? Он за рыбу расплачивается?

Отец улыбнулся. Косынка, завязанная по пиратскому обычаю назад, не защищала глаза от солнца, и потому он щурился.

– Расскажи про водяного. Это он деньги за рыбу берёт?

– Нет. Это сама Рогалиха. Это её право подорожную монету брать. Свадебный дар.

– Значит, она жена водяного?

– Стало быть, так.

– Думаю, они по любви женились. Вон она какая красивая. Расскажи про свадьбу.

– А чего там рассказывать. Встретились, влюбились, поженились.

– А как встретились?

– Во сне. Водяной увидел её во сне. Влюбился и ф-фит! – отец махнул рукой снизу вверх за левое плечо, – поехал спасать.

– Так она в беде была? Кто-то хотел её убить?

– Не убить. Заморозить.

– Кому ж это такое злодейство в голову придёт – птицу-то морозить!

– Известное дело кому – злыдню злодейскому, царю Ледяному.

– Вот же ж беда! – Танюшка с досадой стукнула по лодке и точно сплунула бы в воду, если б умела.

– А потом?

– А потом, дочь. Что было потом, я тебе расскажу, если ты со мной останешься рыбу чистить.

– Останусь, останусь.

– Ну, тогда... у-ух! – отец притормозил и pokrutil лодку на месте, поглядывая на смеющуюся Танюшку. Бросил вёсла, облокотился на колени и подался вперёд.

– Слушай. Это было прошлого чуть раньше. Это было древности чуть позже, – отец поиграл бровями вверх-вниз, улыбнулся и, кивнув самому себе, начал. – Жили-были три царя. Мокрый правил всей водой, и были у него два сына-водяные. Сухой царь правил сушей, лесом, островами, и выросла у него дочка, филин-птица. И так случилось, что обещана она была водяному, да только жениться на ней захотел царь Ледяной. Заплатил он отцу невесты калым богатый и собрался везти её в ледяную ночь. Тогда-то она и обернулась филин-птицей и явилась суженому во сне. Мол, так и так, судьба – обманщица обещала ей царевича-водяного, а подсунула царя Ледяного. Кто бы спас её, дак тому бы она рукавички свои подарила из пёрышек. Волшебные рукавички – кто их на руки наденет, сразу птицей станет.

Танюшка раньше видела филина в кедровом бору сразу за деревней, когда они с отцом за шишкой ходили. Птица была большая и красивая, так что вполне могла быть и дочерью лесного царя.

– Так он надел рукавицы и полетел к ней?

– Не-е-т! Он же водяной. Он к воде привык. И потом, как же без отцовского-то разрешения? Надо отца невесты спросить, тут самовольничать никак нельзя. Без спросу дело такое, сомнительное. Для этого войско собрал. В лодки сели да поплыли.

– А войско зачем?

– Ну, так свататься! А если откажут, так и подраться сразу. Раньше ведь, что свадьба, что война – всё хорошей дракой оборачивалось. Да и сейчас так. И как приехали сваты, оказалось, невесты-то и нет. Увезли. Царь хотел им другую подсунуть, мол, какая разница, все невесты на одно лицо, но водяной обман почуял, так что досталось тому царю неслабо. И его поколотили, и лес его затопили болотами. До сих пор они там, куда мы за клюквой ходили, помнишь?

Танюшка помнила мягкий кудрявый мох, который отец называл почему-то «сфагновый» и ей пришлось несколько раз повторять: «Сфагровый, фановый, сфагновый», – чтобы запомнить. Ещё была ящерка на гнилушке и красивая коряга, а клюкву она видела только у отца в корзине.

– Значит, они на подмену не согласились?

– Не. Побуянили маленько и поплыли дальше искать. В общем, плыли они долго ли – коротко ли, но настали холода. И вот заприметили они на берегу мёрзлого озера дворец изо льда и в нём филин-птица, тоже уж посиневшая, а рядом, на троне, царь Ледяной. Стали они с тем царём биться. День бьются, два бьются, только через месяц смогли его

ледяную голову срубить. А голова-то покатилась в прорубь и давай оттуда водяного дразнить да потешаться. Поцелую, говорит, я ту невесту мокрым ртом и примёрзну к ней навсегда, не растащите.

– Фу-у! Вот подлец! – забеспокоилась Танюшка. Уж она-то помнила, как мальчишки во дворе обманывали малышей и уговаривали их лизнуть на морозе железную качель и как тех доверчивых потом со слезами и криками отрывали от мёрзлого железа, оставляя на губах кровавые раны. Высовывать язык на морозе нельзя, Танюшка это твёрдо усвоила!

– Знамо дело, подлец! Но водяной вспомнил про рукавицы-то. Надел их и сделался тоже птицей. И придумал хитрый план. Он велел всем птицам в воду нырять, а рыбам в воздух выпрыгивать. Да-а! Не веришь? Такое иногда бывает. И когда вся эта кутерьма началась, ледяная головёшка так закрутилась, что лопнула от злости. На том и зима кончилась. О как!

Танюшка не подавала виду, как волнуется, но выдохнула с облегчением. За это время лодку течением отнесло мимо деревни и уткнуло в мыс, заросший ирисами, а сейчас почти скрытый водой. И казалось, что крошечные феечки в сиреневых платьицах танцуют прямо на воде. Отец подхватил вёсла, оттолкнулся от мыса и в несколько махов достиг берега, легко вытащил лодку повыше.

– Рыбу собери и к бане неси.

У бани стояла специальная чурка для чистки рыбы, и вокруг серебрилась сухая скрученная чешуя. Тут отец всегда и чистил рыбу, чтобы не сорить дома. Шустрый карась из-под лавки дался не сразу, и Танюшка кое-как загнала его в ведро. Сложила туда остальной улов, но нести полное ведро было непросто, потому она стала носить рыбу по одной к чурке и оттого быстро умоталась, села на лавку в тени у бани и стала ждать.

Отец направил нож бруском, удобно уселся и принялся чистить рыбу, попутно отбрасывая котам хвосты.

– Порфентич звонил. Вечером приедет, хочет на рассвете с удочкой посидеть.

– Надо ему про монету напомнить, чтоб Рогалихе заплатил.

– Сам не забудет.

Танюшка посидела, дожидаясь продолжения истории, но отец не спешил, занятый делом, и ей пришлось наблюдать за ласточками, что носились стремительно в воздухе странными резкими движениями и ловили мошек прямо над берегом Рогалихи. Отец, насвистывая, быстро начистил рыбу, сходил за водой и стал смывать с чурки остатки чешуи.

– А ведь птица-то замёрзла, – вспомнила Танюшка и поспешила за отцом, который, закончив дела у бани, зашагал в огород к дымокуру.

– Замёрзла. Ну, так любовь кого хошь согреет. Вот она и растаяла и превратилась в речку с душой филин-птицы. И сама растаяла, и ледяной дворец её. Расстроилась, конечно, сначала, как ей теперь летать, но водяной сбросил рукавицы и отдал

их речке. Утопил, значит. Так она и согласилась стать его женой.

Отец повесил котелок с рыбой на крюк, долил чистой воды, присолил чуть и раздул огонь.

– Поддай-ка дровишек мелконьких.

Танюшка притащила всякого рублёного хлама и стала подкладывать в огонь.

– Пап. Ну, так значит, он её спас и они поженились.

– Значит, так.

– Так, а почему Рогалиха-то?

– Экая ты, Таня, неугомонная.

– Ну, расскажи!

Отец заметил, что уха закипает, проворно голыми пальцами подхватил ручку котелка и двинул его чуть в сторону с огня, и пена стала оседать. А потом уже маленькой кочергой нашёл ему место, чтоб кипело ровно и не плескалось.

– Всё дело в шапке.

– В какой шапке?

– Которую на голову надевают, ясно-понятно. Подарил ей водяной на свадьбу шапку с оленьими рожками да узорами всякими, чтоб стала она хозяйкою речек да водопоев, омутов да островов. Чтoб зверя, рыбу и птицу понимала. А ещё говорят, что клады она стережёт. Про клады рогалихинские все знают, – он попробовал уху на вкус с ложки, шумно втягивая, надеясь, что она оттого не будет жечься. Почти готово. Ещё пять минуток.

– Доскажи уже, – терпение Танюшки совсем заканчивалось, а понятнее не становилось. – Шапка тут при чём?

– А при том шапка, что как русские люди пришли сюда, как услышали эту историю, так сразу и прозвали речку Рогалихой. Потому что есть и у них шапка рогатая. Да. Кичка называется. Чтoб её правильно носить, надо ходить очень прямо, грудь вперёд. Есть даже такое выражение, если кто ходит, выпятит грудь, про него говорят, мол, «кичится».

– А это он шапку такую носит.

– Она. Это женский головной убор. Старинный. По-другому называется – шелонок или рогалиха.

– А-а! Так это название шапки.

– Да. Для замужней женщины. Вот оттуда и имя Рогалихи.

Часа через два приехал Порфентич. Тоже отобедал ухой и травил до вечера байки про всякое рыбацкое. Танюшка сполоснула тарелки и пошла к Рогалихе. Забралась в лодку и стала смотреть, как закат отражается в воде, и редкие облака стали совсем розового цвета. А чтобы их разглядывать, не надо было задирать голову, лишь смотри на гладь воды, под которой скрывались удивительные истории, в которые можно либо верить, либо не верить, но оттого яснее не станет, было оно или не было.

Грозы так и не случилось, ушла стороной. Танюшка провела по затопленной траве рукой, будто причесала волосы Рогалихи, и подумала:

– Хорошее имя – Рогалиха. Звучное. С характером.

Солнце садилось справа за тайгу, рассыпав румянец по верхушкам кедров и водной глади реки.